

№ 517

ЗАПИСКИ
ОРЕНБУРГСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОРЕНБУРГЪ.
Типографія Б. Бреслина.
1881.

РАЗСКАЗЪ

О ЖИЗНИ КИРГИЗЪ

НИКОЛАЕВСКАГО УѢЗДА ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ,

сз 1830 по 1880 годъ. *)

— 33 —

Назадъ тому 50 лѣтъ, киргизы кипчакскаго рода, карабалыкскаго, танабугинскаго и кульденскаго отдѣленій, око-

*) Киргизы, оригинальностью своего быта, своимъ торговымъ, а въ недавнее прошлое и политическимъ значеніемъ для Россіи, больше чѣмъ другіе русскіе инородцы привлекали къ себѣ вниманіе русскаго общества, что доказывается существованіемъ большаго количества популярныя сочиненій и замѣтокъ о бытѣ и исторіи киргизъ. Но что касается въ частности сочиненій и замѣтокъ о бытѣ киргизъ, то даже тѣ изъ нихъ, которые появились въ самое послѣднее время, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что въ настоящее время киргизы, отчасти вслѣдствіе вліянія различныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ послѣднія времена, преимущественно съ 1835 г., отчасти вслѣдствіе вліянія смежнаго осѣдлаго населенія, русскаго, башкирскаго и татарскаго, уже не представляютъ собой, по быту и характеру своему, цѣльнаго народа: тогда какъ одна часть киргизскаго народа по прежнему держится кочеваго быта, другая находится на различныхъ стадіяхъ перехода отъ кочеваго быта къ быту осѣдлому и представляетъ собой многочисленныя и интересныя формы видоизмѣненія древнихъ привычекъ, вкусовъ, вѣрованій, вообще всего характера. Большая или меньшая склонность части киргизскаго народа къ осѣдлой жизни конечно извѣстна какъ русскому населенію ибтностей смежныхъ съ киргизскими степями, такъ и администраціи оренбургскаго края, но фактъ видоизмѣненій характера и въ частности вѣрованій киргизскаго народа остается до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, отчасти вслѣдствіе трудности для людей постороннихъ наблюденія надъ сокровенной стороною человѣческой жизни, отчасти вслѣдствіе того, что мы не научились надлежащимъ образомъ оцѣнивать такого рода факты.

Статья почтеннаго члена-сотрудника Оренбургскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, г. Даулбаева, интересна именно въ томъ отношеніи, что въ ней указываются всѣ главныя, происшедшія въ послѣднія времена, измѣненія въ бытѣ и характерѣ киргизъ одного изъ уѣздовъ тургайскаго области, именно николаевскаго; впрочемъ изложенныя въ этой статьѣ факты и выводы могутъ быть отнесены и къ другимъ уѣздамъ той же области.

А. Безсоновъ.

ло 3000 кибитокъ, управляемые тогда своими родоначальниками-біями, изъ которыхъ самыми извѣстѣйшими были: *Маметкзъ, Кудайсугурзъ, Исмуратзъ, Имгунда, Мугалзъ, Булатай, Кубекзъ* и батыри: *Жабага* и *Истыбай*, при султанѣ-правителѣ *Джантюръ Джагангировъ*, во время лѣта кочевали по всѣмъ обширнымъ степямъ, начиная отъ рѣки Тобола до озера Ургачъ, а къ зимѣ откочевывали къ рѣкамъ Аятамъ и Тогузакамъ *), потому что между этими рѣками находятся въ изобиліи большія озера и лѣса. По этимъ-то рѣкамъ киргизы и зимовали; они перекочевывали здѣсь съ мѣста на мѣсто, со своимъ скотомъ и со своими семействами, для пріисканія корма скоту, такъ какъ тогда никто изъ нихъ не заготовлялъ сѣна на зиму и хлѣбопашествомъ не занимался. Въ жестокую зиму, для мелкаго и крупнаго рогатаго скота разрывали снѣгъ лопатами; такимъ образомъ барановъ и рогатый скотъ прокармливать было весьма затруднительно: хорошій работникъ прокармливалъ въ день 100 барановъ или 20 коровъ. Лошади постоянно тебеневались **) сами, а молодые жеребята часто падали отъ безкормицы. Домовъ и землянокъ не было ни у кого изъ киргизъ.

Обыкновенная одежда киргизъ средняго состоянія состояла изъ слѣдующихъ частей: кафтанъ (*чекменъ*), который приготовлялся изъ бараньей и верблюжьей шерсти; *кути*, которая дѣлалась тоже изъ бараньей или верблюжьей жабаги; *жарганзъ*, дѣлавшійся изъ шкуры жеребенка; бухарскій *халатъ*. Богатые носили, и то только во время лѣта, рубахи и штаны (*жегде* и *дамбалзъ*), приготовлявшіеся преимущественно изъ бухарской бязи. Жегде носили съ открытою полою, въ родѣ халата. Сапоги шились изъ русской болгары краснаго цвѣта, съ высокими подборами; шили ихъ свои са-

*) По берегамъ этихъ рѣкъ нынѣ находятся казачьи селенія такъ называемой Новой Линіи.

**) Т. е. добывали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга.

пожники, *итекчи*. Бѣдные же носили тогда сапоги изъ сыромятной кожи. Шапокъ въ старину, во время лѣта, большею частію не носили, а носили *калтэкъ*, скатанный изъ бѣлой бараньей шерсти. Шубы (*тонъ*) шились изъ овчинъ, а шаравары (*чалбаръ*) изъ козьихъ шкуръ. Какъ шубы, такъ и чалбары красились желтою краскою изъ корней *тумаръ-буяу*. Во время зимы носили на головѣ малахай (*тумакъ*), люди бѣдные и средняго состоянія—изъ овчинъ молодыхъ барашковъ, а богатые—изъ лисьей шкуры. Мушны подпоясывались *ксой* (калта). Къ поясу, съ правой стороны, привѣшивалась кожанная сумка для огнива, трута и кремня, а съ лѣвой стороны—сумка для ножа и бритвы. Ни перинъ, ни подушекъ не было, даже у богатыхъ киргизъ. Одѣяла бухарскія употреблялись рѣдко и то только у богатыхъ; а ихъ замѣняли: кошма (*текейметъ*), приготовлявшаяся киргизскими женщинами *), и *бустекъ*, покрывало изъ бараньей жабаги, покрывавшееся обыкновенно чекменемъ или бухарскою выбойкою. Въмѣсто подушекъ употреблялся *чободанъ*, сшитый изъ кошмы и наполненный шерстью. Сундуковъ для укладки вещей не было. Чашки, ложки и ведра тогда дѣлали киргизы сами. Самые богатые люди хотя доставали изъ Бухары ковры, шелковые и бумажные халаты и прочія матеріи, но не употребляли ихъ въ обыкновенное время: эти вещи переходили отъ отца къ сыну и т. д., или же, въ видѣ приданаго, къ дочерямъ; ибо въ то время у киргизъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ никакой роскоши не допускалось. Изъ русскихъ же товаровъ тогда киргизы вымѣнивали на свой скотъ только желѣзныя вещи, болгару для сапогъ и еще кое-что, а особенно сукно. Рассказываютъ, что не много раньше того времени, въ самомъ богатомъ родѣ, до 40 человекъ жениховъ, одинъ послѣ другаго, ѣздили за невестами, надѣвая попеременно одинъ и тотъ-же красный суконный кафтанъ (при этомъ случаѣ, по обычаю народа,

*) Со вѣтатною съ одной стороны крашеною шерстью, разными узорами.

слѣдуетъ одѣваться сколь можно лучше). Въ зимнее время, въ кибиткахъ киргизъ, вмѣстѣ съ семействами, помѣщалась даже скотина отощавшая, такъ какъ не было еще ни *азбаровъ* (загоновъ), ни сараевъ для скота. Самое жалкое положеніе въ зимнее время! У киргизъ тогда хотя скота было и больше, чѣмъ въ настоящее время, но зато не было ни денегъ, ни имущества. Не было также, кромѣ скотоводства, звѣроловства и баранты съ другими родами, никакихъ особенныхъ промысловъ.

Относительно пищи киргизъ въ старое время, можно сказать, что они были тогда обыкновенно ни сыты, ни голодны, по существующей въ народѣ пословицѣ: „*кунде туйсангъ булурсенъ, аптада бртуймасангъ улурсенъ*“, т. е., если каждый день будешь сытъ, то разоришься, а если въ недѣлю хотя разъ не наѣшься до сыта, то померешь. Обыкновенною пищею богатаго было мясо разнаго скота, а пищею человѣка средняго состоянія *кужа*. Кужа приготовлялась такъ: бралось муки около двухъ фунтовъ, 3 или 4 ведра воды и кусокъ мяса, и вся эта смѣсь варилась. Старшій въ семействѣ крошилъ сварившееся мясо, а потомъ раздавалъ членамъ семейства по маленькимъ кускамъ, прямо въ ротъ; послѣ чего всѣ выпивали по чашкѣ кужи, а оставшуюся въ излишкѣ кужу квасили въ особой посудѣ. Этимъ и сыты были цѣлый день. Муку приобрѣтали у русскихъ, преимущественно ржаную; пшеничную муку покупали очень рѣдко и употребляли ее какъ лекарство. *Крутъ* (сыръ) пили вмѣсто чаю, разводя его въ кужѣ или просто въ водѣ. Самымъ лакомымъ кушаньемъ былъ *жентъ*, приготовлявшійся изъ сыра такимъ образомъ: высушенный, изъ коровьяго или же овечьяго молока, сыръ (*иремчикъ*) толкли въ ступѣ, потомъ смѣшивали съ растопленнымъ масломъ, приготовляя такимъ образомъ что-то въ родѣ тѣста, и клали въ этотъ составъ кишмишу или же меду. — Въ лѣтнее время питались однимъ *кумызомъ*, а бѣдные *айраномъ*; послѣдній приготовлялся или

изъ коровьяго, или изъ овечьяго молока. Мясо употребляли не каждый день. Въ дальнюю дорогу, на которой нѣтъ ауловъ, киргизы брали въ запасъ только крутъ и *торсукъ*, помѣщая это въ торока. Одного пуда круту въ пути довольно достаточно для одного человѣка на мѣсяцъ. Наливъ въ кожаный торсукъ чашку воды и спустивъ тутъ горсть, около фунта, сушенаго круту, киргизъ ѣдетъ своей дорогой; въ это время торсукъ болтается, крутъ трется и смѣшивается съ водою; такимъ образомъ выходитъ кисловатый и питательный напитокъ. Изъ фунта крута дѣлается до 5-ти чашекъ; выпиваютъ заразъ подобнаго бульона 3 или 4 чашки; на другой день снова дѣлаютъ то же.

Въ старое время, при перекочевкѣ, богатые киргизы возили свои кибитки и прочее имущество на верблюдахъ, а бѣдные на двухколесныхъ арбахъ, въ которыя запрягались быки и даже коровы, а русскихъ телегъ не было; не было также ни саней, ни дровней для передвиженія въ зимнее время. Хомутовъ и дугъ тоже не знали, а запрягали быковъ такимъ образомъ: положивъ на спину быка сѣдло и привязавъ это сѣдло веревкою черезъ грудь и спину, къ этой веревкѣ по обѣимъ бокамъ животнаго привязывали оба конца длинныхъ отлобелъ арбы. Какъ мужчины, такъ и женщины, зимой и лѣтомъ, ѣздили верхомъ на лошадяхъ, даже на быкахъ и коровахъ.

По религіозной части киргизы тогда были очень слабы: пятивременные намазы исполнялись рѣдкими и всякихъ суевѣрій было болѣе чѣмъ нѣтъ; охотно вѣрили гаданіямъ и колдовствамъ. Муллѣ было очень мало; муллы были только въ трехъ отдѣленіяхъ, о которыхъ мы говоримъ; имена этихъ муллъ: Шушала Хангельдинъ, Жайсанъ Табулдинъ, Хисаметдинъ Байгелевъ, Чулакъ-мулда и Турумбай-кожа Кулмановъ; изъ нихъ Табулдинъ и Чулакъ и понынѣ живы. Табулдину 92 года, а Чулаку-мулдѣ 97 лѣтъ. Байгелевъ померъ 92 лѣтъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1879 г., а прочіе два померли давно.

Всѣ эти муллы постоянно обучали киргизскихъ мальчиковъ грамотѣ, а взрослыхъ—пятивременной и предсмертной молитвамъ. Граматныхъ изъ ихъ школъ выходило мало, потому что они, кромѣ Турсумбая и Хисамеддина, сами худо умѣли писать.

Киргизы тогда вѣрили, что если во время лѣта наступятъ продолжительные дожди, а зимою—постоянные бураны, то это происходитъ отъ постоянного чтенія муллами корана: по повѣрію ихъ, т. е. народа, черезъ то заражается воздухъ. Въ одно время, зимою, когда Шушала-мулла читалъ по умершему коранъ, то чуть не подвергся пыткѣ или сожженію. О другомъ подобномъ случаѣ рассказывалъ мнѣ троицкій татаринъ, по имени Баязитъ; онъ около 1830 г. былъ на р. Тургаѣ, по торговому дѣлу, и остался зимовать у киргизъ арғынского рода; такъ какъ татаринъ этотъ былъ грамотный, то имѣлись при немъ коранъ и другія книги, которыя онъ отъ скуки читалъ постоянно. Въ это время зима была очень непокойная: постоянные бураны и гололедицы; скотина у арғынцевъ начала гибнуть отъ безкормицы. Въ одно время хозяинъ кибитки предлагаетъ ему не читать корана и книгъ, говоря, что это не хорошо; но татаринъ, принявъ эти слова за шутку, продолжалъ читать. На другой день, въ одно время, собирается въ кибитку нѣсколько человѣкъ киргизъ со всѣхъ смежныхъ ауловъ; эти киргизы, не смотря на замѣчаніе татарина, что вышеупомянутое мнѣніе о чтеніи книгъ нечестиво, забираютъ всѣ книги и коранъ, прямо кидаютъ ихъ въ огонь, потомъ добираются уже и до самаго татарина; но онъ, видя, что дѣло серіозное, началъ плакать и просить изъавить его отъ смерти, говоря, что онъ потомъ не будетъ читать даже и молитву, въ чемъ поручился хозяинъ его квартиры; тѣмъ и освободился татаринъ отъ сожженія.

Объ умершихъ тогда дѣлали частыя и большія поминки: черезъ три дня послѣ смерти покойника, черезъ семь, черезъ

сорокъ дней и черезъ годъ. Особенно торжественны были послѣднія поминки: богатые киргизы, за мѣсяць или 20—15 дней прежде предполагаемыхъ поминокъ-годинъ, оповѣщали народъ, чтобы приготовлялся ко времени поминокъ для пиру кумызъ и подмаривались бѣгунцы для скачки (*байга*). На такія поминки собирались изъ всѣхъ смежныхъ родовъ безъ исключенія, какъ мужчины, такъ и женщины. Напримѣръ: нѣсколько позже описываемаго времени, именно около 1850 года, на поминки киргиза яппаскаго рода, Мухаммеда Карынбаева, собралось до 2000 человекъ однихъ мужчинъ; для нихъ было поставлено 220 кибитокъ, заколото 100 лошадей, 200 барановъ, 25 головъ крупнаго рогатаго скота. Кромѣ того, для отправленія байги и для всякаго увеселенія, употреблено было до 25 верблюдовъ, 70 лошадей и 100 барановъ.

Въ то время у киргизъ, между прочимъ, были обычаи, нынѣ совершенно уничтоженные шаригатомъ. Эти обычаи суть слѣдующіе. 1) Если умершій пользовался въ своемъ родѣ какимъ нибудь особеннымъ почетомъ, т. е., напримѣръ, былъ біемъ или же былъ батыръ или богатъ, то ставили на память о немъ *кара* (собственно значить *черный*), длинную обыкновенную киргизскую пигу, къ концу которой пришивался кусокъ какой-либо матеріи, около аршина длиною. Эту пигу, во время перекочевки, держала жена или дочь умершаго; такъ дѣлалось до годовыхъ поминокъ. 2) При смерти любимаго мужа и, особенно, при выносѣ его изъ кибитки для похоронъ, жена непремѣнно царапала свое лицо до крови, въ знакъ любви къ мужу и сильной печали по немъ *). 3) Со дня смерти киргиза, его жена, дочь или сестра, утромъ, въ полдень и вечеромъ, воспѣвали жалобныя и хвалебныя пѣсни; тѣ и другія произносились особымъ, жалобнымъ, по народному понятію, тономъ; въ пѣсняхъ восхва-

*) При выносѣ покойника изъ кибитки, жена, распустивъ свои волосы, выбѣгала за нимъ съ ревомъ.

лялись, даже съ преувеличеніемъ, всякіе подвиги умершаго батыря или мурзы. Этимъ женщинамъ помогали въ воспѣваніи покойника и другія женщины, особенно изъ числа ближайшихъ родственницъ. Такое воспѣваніе продолжалось тоже до годовыхъ поминокъ. 4) Въ каждую пятницу, вечеромъ, ставили и зажигали по умершемъ *чракъ*, въ родѣ свѣчки, которая приготовлялась такъ: взявъ кусокъ *чим* (камыша), съ четверть длиной, обвертывали этотъ кусокъ ватой и обмакивали въ растопленное сало; такихъ чраковъ зажигали по нѣскольку штукъ заразъ. 5) Послѣ годовыхъ поминокъ, по окончаніи всѣхъ церемоній, къ женѣ умершаго собирались ближайшіе родственники; одинъ изъ родственниковъ, взявъ кару, т. е. пику съ флагомъ, переламывалъ ее на двѣ части; потомъ родственники мужа, послѣ нѣсколькихъ утѣшительныхъ словъ, если жена покойнаго еще молода, предлагали ей добровольный выборъ себѣ жениха, при томъ непремѣнно изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго мужа ея, а въ случаѣ несогласія ея, брали ее и насильно.

Нищихъ между народомъ было тогда больше, чѣмъ нынѣ; нищіе болѣе всего нуждались въ пищѣ, а потому собирали айранъ, крутъ и мясо. Большею частію ходили нищіе въ видѣ *бассы*, — ворожеевъ и знахарей, а народъ вѣрилъ имъ безусловно и обращался за помощію къ нимъ даже при болѣзняхъ.

Очень бѣдныхъ тогда было хотя и больше, чѣмъ нынѣ, но въ работники нанимались они очень рѣдко, и то только дряхлые и несовсѣмъ здоровые; нанимались очень дешево: въ годъ получали двухъ барановъ или жеребенка; работъ особенныхъ не было: лошадей обыкновенно пасли сами мурзы; рогатая скотина даже у самыхъ богатыхъ людей вовсе оставалась безъ присмотра; верблюдовъ и барановъ пасли большею частію бѣдные родственники богачей, для пропитанія своихъ семействъ. Самые способные молодые житигы ѣздили на баранту, а въ зимнее время единственнымъ про-

мысломъ ихъ была охота на *караса*. *Карасъ* и *тулгой* (лисица) въ то время водились въ здѣшней степи гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ въ настоящее время.

Смертоубійства изъ корыстной цѣли и грабежъ между однородцами были очень рѣдки и если случались, то въ какой-либо драгѣ, начинавшейся бранью. Конокрадство между однородцами было рѣдко, а мелочныя кражи — очень часто. Въ случаѣ нечаяннаго или намѣреннаго убійства человѣка, между мирными родами дѣло прекращалось словеснымъ судомъ биевъ съ обѣихъ сторонъ, съ уплатою *куна* родственникамъ убитаго (кунъ состоялъ изъ ста лошадей), или выдачею самого убійцы партіи, собравшейся со стороны убитаго для полученія куна; въ послѣднемъ случаѣ спрашивалось согласіе самого убійцы, и если онъ былъ человѣкъ смѣлый, если рѣшался на опасность, то родственники вооружали его всѣмъ, чѣмъ только онъ могъ-бы оборониться отъ грозящей смерти; давали подъ него самаго лучшаго бѣгуна, а родственники убитаго, сколько бы ни было ихъ, должны были преслѣдовать его и убить; если же до убійства преслѣдуемаго онъ еще кого нибудь изъ нихъ убьетъ, то за это никто не отвѣчалъ. Если, по вызову отчаяннаго убійцы, родственники убитаго не рѣшались на преслѣдованіе его, въ такомъ случаѣ должны были получить только половину куна. Въ случаѣ ненамѣреннаго, совершенно нечаяннаго смертоубійства, родственники умершаго должны были получить также половину куна. Рѣшенія биевъ, особенно объ убійствѣ, постановлялись при большомъ собраніи народа, безъ всякаго письменнаго дѣлопроизводства. При уплатѣ куна, убійцѣ, если онъ былъ бѣденъ, помогали всѣ его однородцы безъ исключенія, а если онъ былъ состоятеленъ, то помогали одни только ближайшіе родственники.

Кромѣ сего, въ народѣ и донинѣ существуетъ еще обычай помогать неожиданно потерпѣвшему какое-либо несчастіе, напримѣръ: лишившемуся скота вслѣдствіе безформицы (*жугъ*),

раззоренному пожаромъ и т. п. Пожертвованія эти потерпѣвшему несчастію приносились не только ближайшими родственниками его, но даже очень дальними однородцами и при томъ безъ всякаго приглашенія или просьбы со стороны пострадавшаго, почему имущество его, особенно если онъ человѣкъ уважаемый народомъ, даже увеличивалось сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Обычай киргизъ по принятію гостей слѣдующіе. Нѣсколько человѣкъ, или даже одинъ, проѣзжая около какого-нибудь аула, вдругъ подъѣзжаетъ къ большой кибиткѣ среди аула и останавливается противъ этой кибитки, на разстояніи около 20 шаговъ. Одинъ изъ проѣзжающихъ кричитъ: „*суйлесь*“ („разговаривай-ка“, т. е. со мной)!“ или же: „*суйлескендей ки барма-у*“ (нѣтъ ли человѣка для переговоровъ)?“ На зовъ выбѣгаетъ изъ кибитки, если голосъ былъ громкій, самъ хозяинъ; если негромкій, то сынъ или работникъ. Послѣ взаимнаго *салاما*, гости говорятъ, что они желаютъ покормить лошадей, а хозяинъ догадывается, что они хотятъ сѣсть барана или переночевать; поэтому хозяинъ, безусловно принимая ихъ, приказываетъ въ ту же минуту—если это время лѣтнее и если гости почетные—поставить палатку (*шатыръ*) и настлать въ ней кошемъ, ковровъ и прочаго, зарѣзать барана или даже жеребенка. Такимъ образомъ киргизъ, проѣзжая по ордѣ, на какое бы то ни было разстояніе, никогда не беретъ въ дорогу съ собою сѣстныхъ припасовъ и корму для лошадей во время зимы, и за все это, кромѣ взаимнаго гостепріимства, никакой уплаты не требуется.

Изъ растительныхъ дикихъ земныхъ продуктовъ киргизы тогда употребляли въ пищу слѣдующіе: *тау-жуа* (горный лукъ), *кырлы-жуа* (лукъ со стеблемъ, имѣющимъ грани), *куусъ-жуа* (лукъ, съ пустымъ стеблемъ), *кой-жуа* (бараній лукъ), *айгыръ-жуа* (жеребачій лукъ), *итъ-жуа* (собачій лукъ), *суу-жуа* (водяной лукъ) и *сарымсакъ-жуа* (чеснокъ).

Изъ ягодъ ѣли только три сорта: *агачъ-чѣ* (вишню), *желенъ* (клубнику) и *койбулдиргенъ* (костянику). Изъ корней ѣли: *бутпанчикъ*, который растеть въ болотахъ между кочекъ; *аттинъ*, растущій въ лѣсахъ и похожій на морковь; *бѣ-им-чекчю*; *кугу*, корень камыша, стебель котораго имѣеть грани; *борыкъ*, корень обыкновеннаго камыша; *мю*, осолодокъ лисій, *кымыздыкъ*, кислятку; стволъ и почки *балдыргана*.

Главными увеселеніями у киргизъ, въ то время и во время болѣе близкое къ нашему, были: *байга*, бѣгъ лошадей, *куресъ*, борьба, и *уленгъ*, пѣсни. Пѣсни пѣлись при поминкахъ и особенно при свадьбахъ. Часто происходили поэтическія состязанія между дѣвицами и жигитами, при чемъ состязавшіеся старались выставлять разные пороки другъ-друга и задавали попеременно вопросы о какихъ-нибудь предметахъ, даже загадки, и если отвѣчающій ошибался или не могъ отгадать загадку, то онъ считался побѣжденнымъ.

Такимъ же порядкомъ часто состязались между собою и мушины-поэты. Такого рода поэты по профессіи (*акынъ*) странствовали по ордѣ и наживали себѣ порядочное состояніе. Напримѣръ, въ одно лѣто, около 1850 года, изъ семипалатинской области пріѣзжалъ въ здѣшній край знаменитый въ своемъ родѣ поэтъ Урунбай-акынъ; онъ присутствовалъ при разныхъ праздникахъ, заѣзжалъ къ здѣшнимъ богатымъ киргизамъ и вездѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Урунбай-акынъ поступалъ такъ: войдя въ кошъ богатаго киргиза, беретъ въ руки большую трехструнную балалайку, которую носить его товарищъ, и начинаетъ воспѣвать свое путешествіе и искусство; потомъ прошедшія свои состязанія съ другими знаменитыми поэтами и прочее, даже предметы религіозные, а напоследокъ начинаетъ баснословно восхвалять хозяина во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, этотъ Урунбай-акынъ, въ теченіи мѣсяца, пріобрѣлъ себѣ до 60 лошадей, до 300 руб. денегъ и разнаго имущества на два верблюда. Ему подарили изъ здѣшнихъ муръзъ, т. е. сыновей

богачей, Жанакай Жамангызовъ и Кенжетай Кенебаевъ, по косяку лошадей (каждый косякъ изъ 9 кобылъ и одного жеребца). Дѣйствительно, этотъ Урунбай былъ очень даровитый поэтъ; онъ мнѣ говорилъ, что если ему прочитать какую нибудь книжку, духовнаго или свѣтскаго содержанія, то онъ въ ту же минуту передастъ въ пѣсни, безъ всякаго измѣненія и пропуска, содержаніе этой книжки.

Кромѣ подобныхъ акыновъ, между киргизами существовали *баксы*, съ *кобызами*. Кобызъ—инструментъ въ родѣ скрипки о двухъ струнахъ, свитыхъ изъ конскихъ волосъевъ; какъ струны на кобызѣ, такъ и волосы на лучкѣ, которыми извлекали звукъ изъ струнъ, натирались сосновой сѣрой. На кобызѣ играли также, какъ играютъ на русскихъ скрипкахъ, т. е. упирая инструментъ въ колѣно. Баксы, какъ и акыны, воспѣвали большею частію старину и подвиги прежнихъ батырей; но главнымъ занятіемъ ихъ была ворожба, при чемъ они, играя на кобызѣ, какимъ-то особенно хриплымъ голосомъ призывали своихъ мнимыхъ *джинновъ* (печистыхъ духовъ), совали въ свои животы кинжалы или же ножи, становились на раскаленное желѣзо, лизали желѣзо языкомъ и такими фокусами увѣряли народъ въ томъ, что они имѣютъ сношенія съ джинами; особенно они дѣлали это надъ больными. Послѣ этого, баксы каждому просившему его поворожить давали отвѣты въ такомъ родѣ: больной долженъ выздоровѣть, если зарѣжутъ чернаго или бѣлаго барана и побьютъ больного легкими этого зарѣзаннаго барана, мясо сварятъ и накормятъ имъ народъ; грудина же и шкура барана обыкновенно принадлежали ему, баксѣ. Или: уѣхавшій на баранту мужъ спрашивающей у баксы женщины скоро и благополучно возвратится. Или: потерявшаяся лошадь или корова найдется не скоро.

Табакъ въ то время киргизы употребляли преимущественно муцины, старики, и держали носовой въ табатеркѣ (*чакша*) изъ коровьихъ или козьихъ роговъ, а куритель-

ный—въ трубкахъ изъ бараньей кости (*асыж-жымыж*): въ широкой конецъ этой кости клали искрошенный табакъ, а съ другого, узкаго конца тянули дымъ. Потомъ употреблялась еще земляная трубка (*жеръ-чилимъ*), приготавливавшаяся такъ: вырывали въ землѣ маленькую норку, въ эту норку клали табакъ, а сбоку норки проводили дудку и черезъ эту дудку втягивали въ себя дымъ. Табакъ доставали киргизы сначала изъ Бухары, а потомъ стали доставать изъ Россіи. Въ настоящее время изъ киргизъ табакъ курятъ и нюхаютъ очень рѣдкіе, зато многіе кладутъ въ ротъ. Баксы тоже противу прежнихъ лѣтъ уменьшились, потому что нынѣ народъ мало вѣритъ имъ. Акыновъ также значительно уменьшилось, потому что народъ принялся за честный трудъ и началъ отдавать своихъ дѣтей обучать грамотѣ. Сдѣлавшіеся муллами считаютъ по шаригату пѣсни за грѣхъ. Баксовъ и колдуновъ стало меньше особенно у прилинейныхъ киргизъ.

Съ наступленіемъ праздника *курманъ-мейрама* и *курманъ-айди*, каждое семейство закалывало годоваго барана; когда истекала изъ горла зарѣзаннаго барана кровь, каждый членъ семейства обмакивалъ въ крови указательный палецъ и потомъ касался имъ самой середины лба, такъ чтобы тутъ осталось красное пятно, въ знакъ приношенія жертвы; это пятно не смывали до другаго дня. Жители аула, сваривъ мясо зарѣзанныхъ барановъ и собравъ въ одно мѣсто, звали въ гости жителей другаго аула; по окончаніи взаимнаго угощенія, киргизы всѣхъ смежныхъ родовъ или отдѣленій собирались всѣ въ одно мѣсто, какъ мужчины такъ и женщины. Здѣсь дѣлились на двѣ партіи, по отдѣленіямъ или по родамъ. Послѣ этого одинъ изъ жигитовъ выводилъ изъ своей толпы дѣвицу, сидящую на самомъ хорошемъ бѣгунцѣ, держа лошадь съ одной стороны за поводъ и вызывая изъ противной толпы охотника гнаться за дѣвицей. На вызовъ выѣзжалъ жигитъ и гнался за дѣвушкой во весь духъ, но не

далѣе какъ на полверсты, и если жигить догонялъ ее, то хватался прямо за грудь или же только ударялъ нагайкою по спинѣ лошади. Если же жигить не могъ догнать ее на заранѣ назначенномъ разстояніи, то, наоборотъ, дѣвица пускалась въ погоню за жигитомъ, гнала его до самой толпы народа и хлестала нагайкою.

Передъ наступленіемъ зимы киргизы обращались за совѣтами къ *исепчамъ*, знахарямъ, которые предсказывали имъ погоду по старымъ наблюденіямъ лѣтней погоды, по мѣсячному исчисленію и по разнымъ примѣтамъ, и киргизы вѣрили имъ безусловно. Кромѣ исепчей и муллъ, были между киргизами грамотные *кожи*, переселившіеся къ нимъ съ Сыръ-Дарьи; у кожей имѣлись календари (*балдамы*) на киргизскомъ языкѣ, переведенные съ персидскаго или же съ арабскаго языковъ; въ балдамахъ предсказаны, по небеснымъ знакамъ, перемѣны погоды на цѣлый періодъ времени, состоящій изъ 12 лѣтъ; годы этого періода имѣютъ слѣдующія названія: 1) *тышканъ*, мышь, 2) *сыиръ*, корова, 3) *барсъ*, тигръ, 4) *куянъ*, заяцъ, 5) *лу*, водяной жукъ, 6) *жыланъ*, змѣя, 7) *жылкы*, лошадь, 8) *кой*, баранъ, 9) *мешинъ*, лось, 10) *таукъ*, курица, 11) *итъ*, собака, и 12) *доннузъ*, свинья. На всѣ эти года въ календаряхъ есть предсказанія о перемѣнахъ въ погодѣ, объ урожаѣ травъ, о спокойствіи или же безпокойствѣ народа и о прочемъ. Предсказанія эти или балдамы писались на длинной, въ ростъ челоуѣка, шириною въ ладонь, бумагѣ; раскрашивались разными красками и добавлялись разными утѣшительными для слушателей стихами. Балдамы свертывались всегда въ формѣ трубочекъ. По приближеніи *науруза*, новаго года, кожа оповѣщала народъ, что въ такой-то день торжественно будетъ читаться балдама, предвѣстница народнаго счастья, и вотъ, по наступленіи этого дня, со всѣхъ концовъ съѣзжался къ кожѣ народъ: кто съ кобылей колбасой, приготовленной для зимы, кто съ копченой бараниной, а кто съ какою-нибудь почетною частію

заколотой скотины. Разумѣется въ этомъ собраніи по преимуществу участвуетъ тотъ, у кого больше скота. Послѣ угощенія собравшихся мясомъ, кожа, сотворивъ двухкратный намазъ, принимается за чтеніе привлекательныхъ стишковъ о новомъ годѣ, новомъ счастьи и о пользѣ всякаго жертвоприношенія, потомъ развертываетъ и читаетъ балдаму; послѣ этого киргизы сносятъ свои подарки: кто барана, кто овчинку, кто мату, бухарскую бязь (денегъ тогда не имѣлъ никто изъ нихъ). Въ одно время случилось такъ: къ назначенному кожою для торжества балдамы времени собралось народу очень мало, потому что по позднему извѣщенію кожою дальніе богачи не успѣли прибыть къ назначенному сроку; поэтому кожа, развернувъ первую часть балдамы и посмотрѣвъ еще въ какую-то книжку, объявилъ собравшемуся народу, что въ сей день балдама ему не отвѣчаетъ, а надо подождать еще три дня—такъ сказала ему сама балдама да еще вотъ другая книга—и киргизы, повѣривъ этому, рѣшились дожидаться назначеннаго времени, а между тѣмъ подъѣхали и дальніе жертвователи. Нынѣ эту балдаму всѣ грамотные стали читать про себя безъ всякаго торжества, и никто не сталъ вѣрить ей. Исепчи, предсказывающіе будущія перемѣны погоды, все еще существуютъ, но немногіе вѣрятъ имъ.

Начиная съ указаннаго выше времени, образъ жизни киргизъ, какъ упомянутыхъ трехъ отдѣленій, такъ и вообще прилинейныхъ, годъ отъ году постепенно началъ измѣняться такимъ порядкомъ.

Въ 1835 и 1836 годахъ, по распоряженію русскаго правительства, на Старой Линіи учреждены, противъ каждаго русскаго селенія, юртовые старшины изъ почетныхъ ордынцевъ, начиная отъ города Верхнеуральска до станицы Усть-уйской.

Въ 1839 году заселена Новая Линія, начиная отъ крѣпости Орской до отряда Березовскаго, для огражденія киргизъ

отъ набѣговъ хищниковъ изъ степныхъ родовъ, а также отъ пагубной для народа баранты между родами кипчакскимъ и жагалбайлинскимъ.

Въ 1840 году, надъ киргизами, зимующими при линіи, противъ каждой станицы или отряда, опредѣлены мѣстные начальники. Въ то же время изъ вышеупомянутыхъ трехъ отдѣленій Кипчаковъ, съ прибывшими изъ степи отъ разныхъ родовъ кунаками (гостями), составлены: 19, 20, 21, 26 и 27 дистанціи, и каждой дистанціи подчинено отъ 5 до 8 мѣстныхъ старшинъ. Какъ дистаночные, такъ и мѣстные старшины были поставлены по назначенію султана-правителя и утверждены пограничною комиссіею или предсѣдателемъ ея. Со времени заселенія Новой Линіи, совершенно прекратилась баранта между вышесказанными двумя родами и водворилось полное спокойствіе.

Послѣ этихъ переменъ, сначала прилинейные, а потомъ и другіе киргизы, взявъ примѣръ отъ сосѣднихъ русскихъ, начали заготовлять для своего скота сѣно и устраивать при зимовкахъ *азбары*, загоны для скота. Съ того же времени, особенно по наставленію умнаго и уважаемаго народомъ тогдашняго, а нынѣ покойнаго, султана-правителя Ахмеда Джантюрина, начали распространяться между киргизами грамотность и торговля и вообще народъ принялся за честный трудъ, почему прежній образъ жизни, грубый нравъ и нѣкоторыя суевѣрія начали понемногу перемѣняться къ лучшему; бѣднѣйшіе изъ киргизъ стали наниматься въ работники къ русскимъ и башкирамъ и съ того же времени начали заниматься перевозкой соли.

Въ 1841 году, вышеупомянутый Джантюринъ первый выстроилъ на зимовкѣ своей при р. Тоболѣ, какъ для себя, такъ и для своихъ семейныхъ, землянки.

Въ 1850 году, киргизы, принадлежащіе нынѣ къ дамбарской волости, заняли подъ зимнія кочевки рѣчку Аять, гдѣ бывший начальникъ 26 дистанціи, въ томъ же

году, поставилъ деревянный домъ о двухъ комнатахъ.

Въ 1851 году, киргизы заняли подъ зимовку рѣку Тоболъ, устроили тамъ стойбища для зимы; въ это время и тамошніе киргизы начали заготавливать для скота сѣно, а нѣкоторые занялись и хлѣбопашествомъ.

Въ 1852 году, во всѣхъ четырехъ дистанціяхъ, 19, 20, 26 и 27-й, всего было только еще до 10-ти домиковъ, а остальное—все кибитки.

Съ 1853 года, сначала бѣдные, а потомъ и богатые стали заниматься хлѣбопашествомъ, и съ того же времени киргизы вообще начали жить роскошно и сытно и между прочими предметами роскоши стали употреблять чай. Чай сначала пили изъ чугунныхъ кумгановъ (рукомойниковъ), потомъ изъ мѣдныхъ чайниковъ, а наконецъ уже начали пользоваться самоварами. Въ 1854 году, при одномъ народномъ собраніи, между прочими разговорами, коснулись чаепитія и стали считать самовары; при чемъ оказалось въ двухъ дистанціяхъ, состоящихъ приблизительно изъ 2000 кибитокъ, только еще до 14-ти самоваровъ, тогда какъ въ настоящее время у прилинейныхъ киргизъ на 10 кибитокъ приходится по одному самовару, а чаю теперь изъ 10 семействъ развѣ только одно не употребляетъ. Объ этомъ чаепитіи, самомъ излишнемъ, а особенно для бѣднѣйшаго класса раззорительномъ расходѣ, составлено мною нѣсколько краткихъ стихотвореній, которыя нынѣ съ удовольствіемъ распеваются народомъ; въ этихъ стихотвореніяхъ я немножко коснулся и башкирскаго чаепитія, выставляя послѣднее причиной обѣднѣнія.

До 1870 года, въ двухъ волостяхъ, дамбарской и чубарской, было домиковъ и землянокъ только до 100 штукъ, а съ того времени киргизы, какъ и въ другихъ волостяхъ, положительно понявъ выгоду постоянныхъ жилыхъ строеній, со всевозможною поспѣшностію занялись устройствомъ для себя домиковъ и, преимущественно, землянокъ. Домики и

землянки строили для нихъ сначала русскіе и башкиры, а потомъ уже киргизы и сами научились строить ихъ. Такимъ образомъ въ двухъ этихъ волостяхъ едва ли найдется до 20 семействъ, живущихъ во время зимы въ гибиткахъ. Нынѣ нѣкоторые старики, проводившіе свои цвѣтущіе годы во всякихъ лишеніяхъ и въ постоянныхъ безпокойствахъ, съ крайнимъ удовольствіемъ восхваляютъ настоящее положеніе жизни.

Какъ выше сказано, киргизскій народъ вообще въ тѣ времена былъ по религіозной части очень слабъ; точно также и роскоши среди народа, какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ, вовсе не было. Послѣ 1840 года, по случаю распространенія между народомъ грамотности, народъ усердно началъ приниматься и за религіозные и всякіе духовные обряды; до того времени, примѣрно, изъ ста совершеннолѣтнихъ людей обоого пола, исполненіемъ пятивременныхъ намазовъ (молитвы) занимался только одинъ; въ настоящее же время, наоборотъ, изъ ста человѣкъ одинъ развѣ не исполняетъ этихъ намазовъ, исключая неспособныхъ и находящихся въ работникахъ и при постоянныхъ непрерывныхъ работахъ, особенно между русскими. Граматныхъ также, преимущественно среди мужицъ, значительно умножилось, особенно въ чубарской волости, гдѣ нынѣ, по приблизительному исчисленію, на 10 неграматныхъ приходится по одному граматному, въ томъ числѣ есть до 20 человѣкъ, знающихъ и русскую грамоту. По этому-то въ настоящее время образъ жизни и характеръ киргизскаго народа почти совершенно измѣнились и распространилась привычка къ удовольствіямъ и роскоши: вмѣсто прежнихъ *жегдей* изъ бухарской бязи, стали носить рубахи ситцевыя, миткалевыя и даже полотняныя; вмѣсто *куты* — разнородные, даже ентовые тулупы; вмѣсто *бустека* изъ бараньей жабаги, стали употреблять разныя дорогія одѣяла; вмѣсто *кужи* и *крута*, стали пить чай. Есть и другія перемены въ домашнемъ обиходѣ. Послѣ распространенія за-

нятія хлѣбопашествомъ, нынѣ киргизы даже не стали употреблять въ пищу и растительные дикіе плоды, кромѣ только ягодъ, описанныхъ трехъ сортовъ. Въ работники нанимаются нынѣ самые бѣдные, за плату отъ 30 до 100 руб. въ годъ, тогда какъ прежде нанимались въ годъ за два барана или за жеребенка.

При настоящемъ цвѣтущемъ положеніи киргизъ, между прочимъ, встрѣчается одно главное неудобство, именно въ выборахъ народныхъ властей. Порядокъ этихъ выборовъ, первую цѣль учрежденія которыхъ высшимъ правительствомъ, пекущимся вообще о благосостояніи народа, киргизское общество или не понимаетъ, или же дѣйствуетъ несообразно съ этой цѣлью, состоитъ въ слѣдующемъ. Во первыхъ, каждые десять кибитковладельцевъ должны назначить изъ среды себя одно самое лучшее лицо десятскимъ или аульнымъ выборнымъ; во вторыхъ, изъ каждаго 50-ти кибитковладельцевъ выбирается такимъ же порядкомъ одно лучшее лицо волостнымъ выборнымъ; потомъ эти десятскіе, по общему между собою совѣщанію, должны изъ среды своей выбрать самое первое и исполнительное лицо аульнымъ начальникомъ, если въ аулѣ находится отъ 200 до 500 кибитокъ; далѣе, волостные выборные, также по предварительному общему совѣщанію, должны по порядку избирать судебными біями самыхъ достойныхъ этого званія, особенно пекущихся о благосостояніи народа, людей; наконецъ уже, такимъ же образомъ, избирается на всю волость, отъ 500 до 2000 кибитокъ, волостной управитель.

Къ сожалѣнію, почти ни одно изъ вышеуказанныхъ правилъ не соблюдается, особенно нужно сказать это о выборѣ волостного управителя: ибо во время этого выбора идетъ просто *баранта* людьми, при чемъ неблагонадежные къ своему обѣщанію волостные выборные, большею частию, бывають въ заключеніи и за присмотромъ домогающагося сдѣлаться волостнымъ управителемъ, для того чтобы они не мѣшали

переговариваться съ прочими, противными сторонами, до тѣхъ поръ пока партія этого искателя совершенно превыситъ числомъ противныя партіи. Вслѣдствіе этого избиратели не имѣютъ возможности не только совѣщаться между собою относительно выбора на эту должность самаго достойнаго лица, но даже не видятъ другъ друга до самой минуты баллотировки, гдѣ также не могутъ совѣщаться между собою, потому что *воспитатель* ихъ, сопровождая ихъ изъ мѣста заключенія за личнымъ своимъ конвоемъ, лично же присутствуетъ и при киданіи шаровъ, разумѣется открытомъ. При этомъ нерѣдко случалось, что побѣдившая такимъ образомъ въ назначеніи своего волостного управителя и кандидата по немъ сторона избирала и всѣхъ судебныхъ бѣевъ исключительно изъ своей партіи; почему другая сторона оставалась ни при чемъ: она хотя и назначала съ своей стороны бѣевъ, но партія, побѣдившая на выборахъ въ волостные управители, не подавала на то своихъ голосовъ, въ отищеніе за несогласіе въ выборѣ волостного управителя.

Изъ бѣдныхъ людей никто не можетъ быть волостнымъ управителемъ, хотя бы онъ обладалъ всѣми пригодными качествами и былъ уважаемъ народомъ. Наоборотъ, богатый, смѣлый и хитрый киргизъ всегда можетъ получить желаемую должность, посредствомъ сейчасъ указанныхъ нами искусныхъ дѣйствій и посредствомъ богатства, и впослѣдствіи съ избыткомъ вознаградить понесенныя издержки, по пословицѣ: „*байданы бай-аларъ*“ (богатые берутъ и богатую добычу). Съ такимъ богачемъ и уже начальникомъ никто изъ простыхъ людей не смѣетъ спорить или сопротивляться въ чемъ бы то ни было, тоже по пословицѣ: „*батыръ болунг бай болса, батысаданъ неси кемъ? Кедей болунг бий болса, келеметденъ неси кемъ?*“ Т. е., если батыръ вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ, то чѣмъ онъ ниже царя? А если бѣдный сдѣлается бѣемъ, то чѣмъ онъ хуже наемшики?

В. Даулбаевъ.